

В Е Р А

Калачкава

Не пей
вина,
Тертруза

Секреты женского счастья

Вера Колочкова

Не пей вина, Гертруда

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Не пей вина, Гертруда / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2023 — (Секреты женского счастья)

ISBN 978-5-04-176535-4

Лада и Яков поженились много лет назад, но уже давно не живут вместе, их связывает только бизнес. Лада чувствует себя пустой, она будто все время плывет под водой и ничего не чувствует. Она уже смирилась с тем, что ее ничего не может встряхнуть и оживить. Лада думает так до тех пор, пока не встречает мужчину, который так похож на ее когда-то погибшего жениха. Кто он: ее спаситель или же губитель?.. «Не пей вина, Гертруда» – это увлекательный психологический роман, который никого не оставит равнодушным. Он заставит вас по-новому взглянуть на любовь, на отношения между супругами, которые уже много лет в браке. Говорят, что любовь со временем угасает, а остается только привычка. Так ли это? Писательница Вера Колочкова пытается разобраться в этом. Авторская серия Веры Колочковой. Автор, уже завоевавший симпатии читательниц. По романам Веры Колочковой снимают сериалы, она, как никто другой, может открывать самые потаенные движения человеческой души.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176535-4

© Колочкова В. А., 2023
© Эксмо, 2023

Вера Колочкова

Не пей вина, Гертруда

© Колочкова В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Гертруда. Я выпью за твою победу, Гамлет.
Гамлет. Благодарю.
Клавдий. Гертруда, стой, не пей.
Гертруда. Прошу прощения, милорд, я выпью.
Клавдий. Вино отравлено – я опоздал...
Вильям Шекспир. «Гамлет»

*Не пей вина, Гертруда, —
Пьянство не красит дам.
Нажрешься в хлам —
И станет противно
Родственникам и друзьям...*

Борис Гребенщиков. «Не пей вина, Гертруда»

Опять ей приснился Алеша. Слишком часто стал сниться... Главное, что радостным таким был во сне, улыбчивым. И говорил что-то. Вспомнить бы еще, что говорил... Всегда так и бывает – проснешься, а деталей увиденного сна вспомнить не можешь! Обидно.

Открыла глаза, потянулась, приподняла голову с подушки, глянула в окно. Хотя можно было и не глядеть. И без того понятно – ничего за окном не изменилось. День опять будет хмурым, солнца на небе не видно. И само небо такое... Будто депрессивным художником намалеванное серыми и белыми красками. Небрежные такие мазки, сердитые... Будто этот художник настроение на людях выместил – нате вам, нате! Не будет никакой небесной лазури, не будет солнца! Так живите, без солнца! Ишь, чего захотели! Берите, что дают, и радуйтесь!

Вздыхнула, снова закрыла глаза. Надо все же вспомнить, что во сне говорил Алеша. Ведь явно что-то говорил, как она могла не запомнить? И по имени ее называл... Мол, ты что, Ладка... Лада, Ладушка... Я же с тобой говорю, а ты не слышишь! Я же твой Алеша, я здесь, с тобой!

И вдруг вспомнила. Вернее, услышала, как Алешин голос звучал. И поняла, что он хочет ей сказать. Вот глупая, как же она сразу не догадалась, как могла забыть! Сегодня же пятое сентября, у Алеши година! Он же в этот день погиб... Ей тогда девятнадцать вот-вот должно было исполниться... И вот уже тридцать один год прошел... Был бы у Алеши тоже в этом году юбилей...

Да, был бы... И жизнь была бы другая. Если б Алешу в Афганистане не убили. Если бы их ребенок жив был... Алеша отслужил бы в армии, вернулся, воспитывали бы дочку или сына... Она ведь поняла, что беременна, когда Алешу уже забрали. Писала ему и представляла, как он ответит: «Люблю, Ладка! Так рад! Счастлив! Я ж тебе говорил, что надо было перед призывом до загса добежать! А ты! Я говорил, говорил!» – сплошь одни восклицательные знаки.

Но ответа Лада так и не получила. Через три месяца Алешу убили. А она... Она, сволочь такая, пошла и ребеночка их тоже убила...

И нет ей за это оправдания, что ж. Да и бог уже наказал – после так и не забеременела. Пустоцветом жизнь прожила. Хоть и замужем. И нечего себе оправданий искать, что в то время по-другому не получилось бы... Мол, не от нее все зависело... Иногда обстоятельства складываются так, что ты плывешь по ним, как щепка по волнам, и не знаешь, к какому берегу тебя прибьет. Не знаешь, не знаешь...

Наверное, печальная эта мысль и дальше пошла бы по знакомому пути и привела к слезам, да телефонный звонок отвлек вовремя. Напомнил, что она в другой жизни живет. В той жизни, где на звонок надо обязательно отвечать. Где надо давно уже вскочить с постели и приступить к своим обязанностям. Потому что их много, обязанностей-то. И дел невпроворот. Как всегда...

– Лада Викторовна, доброе утро... А вы когда приедете, Лада Викторовна? Простите, что я вас беспокою...

Анин голосок звучал тревожно и в то же время довольно требовательно. Видимо, и впрямь что-то случилось, иначе бы не стала звонить, сама бы справилась. Она девушка деловая.

– Что случилось, Ань, говори?

– Да тут опять этот проверяющий из трудовой инспекции ко мне пристаёт... Сегодня наши трудовые книжки смотрит, и именно к вашей привязался. Говорит, запись у вас неправильная.

– Вот те раз! Чем это она неправильная? Уже больше двадцати лет назад сделана, не одну проверку пережила и стала вдруг неправильная! С какого вдруг перепугу-то?

– Так и я ему то же самое толкую, Лада Викторовна... Всегда такая запись была... А он... Еще он говорит, что и в бухгалтерских документах мы неправильно вас пишем... Что надо писать не директор магазина Любимова Лада Викторовна, а заведующий торговым объектом Любимова Лада Викторовна! Представляете? Я вообще в шоке... Даже не знаю, что ему говорить! Может, вы сами с ним объяснитесь, а? Когда вы приедете, Лада Викторовна?

– Хорошо, Ань... Я через час буду. Разберемся, не волнуйся.

Отложила телефон в сторону, вздохнула, закрыла глаза... Боже, как не хочется вставать и входить в эту суетную и беспокойную жизнь! И хорошо бы хоть один день делами не заниматься... Посвятить этот день Алеше, година все-таки... Но ведь не получится, это ясно. Надо вставать с постели, надо жить. Исполнять директорские обязанности. Хотя, как только что выяснилось, они вовсе и не директорские, а... Как Аня сказала? Она не директор продуктового магазина, а заведующий торговым объектом? Хотя какая, по сути, разница... Хрен редьки не слаще, как говорится.

Да, и надо Якову про это сказать. Теперь он имеет в собственности не три магазина, а три торговых объекта. Вот так-то, дорогой муж...

Муж, с которым она давно не спит в одной постели. Муж, который живет сам по себе в городской квартире, а она сама по себе здесь, в доме. Так получилось, что ж. Не сразу, с годами... Все супруги с годами разбегаются по отдельным берлогам, это понятно. Если такая возможность есть. А если нет возможности, так и маются до конца жизни в одной берлоге, толкутся в ней, злобясь друг на друга.

Да, у них с Яковым есть такая возможность – быть в браке и жить отдельно. Вроде и вместе, и не вместе. К возрасту каждому своя территория требуется, чтобы в ней быть самому по себе. Такое вот благо, что ж...

А дом свой она любит, очень любит. Он только ее знает, чужаков не терпит. Как не терпит ее долгого присутствия городская квартира. Она Якова больше любит...

С первого этажа потянуло вкусными запахами чего-то печеного – опять Татьяна Васильевна с утра изгаляется, хочет поразить ее воображение кулинарными изысками. Вот неудобно, ей-богу! Ну зачем она...

Татьяну Васильевну навязала ей мама, почти силой. Приспичило ей пристроить соседку-приятельницу на хлебное место, всю душу ей вынула просьбами. Мол, Танечке надо детям помочь, надо внуков поднять... А ты, Ладушка, хорошо ей платить будешь, я знаю. Уж как она сопротивлялась, мама и слышать ничего не хотела!

– Ну как, как она у меня в прислугах будет жить, мам, ну сама подумай, а? Я ж эту Татьяну Васильевну с детства знаю... Да я даже сказать ей ничего не смогу! Я ее боюсь! Она ж у меня в школе физику преподавала! Такая строгая была училка... страсть!

– Ну когда это было... От прежней строгости у Танечки уж ничего не осталось. Жизнь выбила всю строгость, как палками из ковра пыль выбивают. Сама ведь знаешь, она уж давно на пенсии.

– Тем более! Ей же тяжело будет ко мне на другой конец города ездить!

– Ну уж и город... Невелик наш город, чтобы с одного конца на другой трудно было доехать. Давай, Ладка, не воображай, сделай хорошее дело для человека! Знаешь, как Танечке деньги нужны? Ей надо одному внуку с ипотекой помочь, другому внуку с учебой... Он балбес у нее вырос, на бюджетное отделение так и не смог поступить. Ой, да она ж радехонька будет у тебя поработать, что ты! Кто еще пенсионерку на такое место возьмет? Не в уборщицы же ей идти... Она меня уж сколько раз просила, чтобы я с тобой поговорила насчет нее!

– Ну не знаю, мам... Я и сама неплохо справляюсь, в прислуге совсем не нуждаюсь...

– Да что ты заладила – прислуга, прислуга! Не прислуга, а помощница по хозяйству! Знаешь, как Танечка вкусно готовит? Да ты мне потом еще спасибо скажешь, я просто уверена! А про Танечкин возраст не думай, она еще вполне себе ничего, очень даже резвая. Да это и хорошо даже, что у нее возраст солидный... Молодуху-то хуже в дом брать, сама понимаешь!

– А чем хуже молодуха, мам?

– Чем-чем... Твой-то муженек дорогой в том сейчас возрасте, что от него всего ожидать можно... Седина в бороду, бес в ребро! Как раз в этом возрасте у мужиков башку и сносит относительно молодух, не хотят стареть, изо всех сил сопротивляются!

– Да ну, мам... Не говори ерунды. Будто ты Якова не знаешь. Ему кроме своих магазинов ничего больше не интересно в этой жизни.

– А я бы на твоём месте не была такой уверенной! Чего ты вдруг расслабилась-то?

– Да я и раньше не напрягалась особо...

– Ну и зря! То-то я смотрю, вы по разным местам живете... Ты в доме обосновалась, он – в городской квартире! Смотри, Ладка, вокруг него много всяких молодых девок вьется! И всем охота свой кусок от жизни урвать! Думаешь, никто из молодух на Яшу не обзарится, что ли? Да нынче они все хорошо жить хотят, молодухи-то. Им без разницы, сколько лет мужику, лишь бы содержал прилично. Вот о чем я тебе толкую, Ладка. А ты слушай мать, слушай... Бери в дом Танечку, не прогадаешь!

В общем, бесполезно было спорить. Да и никогда она маму переспорить не могла. Такой уж характер... Вот теперь и приходится неудобство это терпеть, будто она бессовестная барыня Салтычиха, которая нещадно эксплуатирует бедную пожилую женщину.

Вкусный запах, казалось, совсем перебрался к ней в спальню, словно требовал приличий – мол, хватит меня игнорировать, вставай быстренько, спускайся, прояви вежливость к первоисточнику! То есть к кулинарным способностям Татьяны Васильевны вежливость прояви... Старается же человек, чего ты!

И ведь не объяснишь этому первоисточнику, что это своего рода насилие. Что вовсе не нужен ей вкусный завтрак, к тому же свежее испеченный... Это ж наверняка бешеные калории! При ее-то лишних килограммах...

Ладно, придется смириться. Все равно надо вставать, надо поторапливаться. Дела зовут, заботы.

В ванной долго рассматривала лицо. Такое оно было... Будто не выспавшееся. Из-за погоды, наверное. Хмурое утро, лицо тоже хмурое. И Татьяна Васильевна это заметила, кстати...

– Доброе утро, Ладочка! Чего-то ты бледненькая сегодня такая... Плохо выглядишь... Не выспалась, да? Неважно себя чувствуешь?

– Все хорошо, Татьяна Васильевна. Нормально я себя чувствую.

– Ну-ну... А я вот тебе пирожочки с творогом испекла, такие вкусные получились! Поешь, и сразу румянец появится! И чаек с травками заварила...

– Я бы кофе лучше выпила, Татьяна Васильевна.

– Что ты, Ладочка, что ты! Кофе в твоём возрасте уже вредно! Это дурная привычка – по утрам кофе литрами хлебать, от нее отвыкать надо!

– А я не хочу отвыкать, Татьяна Васильевна. Я кофе хочу.

Наверное, это как-то нехорошо у нее сейчас прозвучало. Вроде того – отстань от меня со своим чаем с травками и с советами отстань. Я тут хозяйка, я делаю все, что хочу. И раз уж пошла такая пьянка, то и про вкусные пироги с творогом надо тоже сказать... Чтобы навсегда упредить эти утренние печеные вкусности-поползновения!

– Я обычно чем-то легким завтракаю, Татьяна Васильевна. Овсянкой на воде, например. Или салатиком. Не наедаюсь с утра.

– Да-да, Ладочка, я услышала, я поняла тебя, да... Больше не буду... Понимаю, ты фигуру свою бережешь...

– Да было бы что беречь, Татьяна Васильевна!

– Ну что ты... Зря ты так о себе! Ты еще очень даже... Для своих лет вообще прекрасно выглядишь! Тебе ведь скоро пятьдесят, да?

– Да. Очень скоро. Через две недели уже.

– Ой! Так это ведь надо будет большой стол накрывать! Гостей-то много будет, я думаю?

– Не знаю еще... Но накрывать стол не потребуется. Я думаю, мы в кафе отмечать будем.

– Да? Жалко... Уж я бы с угощением расстаралась... Да разве в кафе могут так вкусно приготовить, Ладочка? Ведь нет?

– Могут, Татьяна Васильевна. Еще как могут.

– Ну, не знаю, не знаю... Наверное, я старыми понятиями живу. Раньше всегда юбилеи дома справляли, и ничего... Ой, да что ж я болтаю попусту, тебе ж кофе сварить надо! Я сейчас, я быстро... И салатик тоже нарежу...

– Да не надо салатик, я пирог съем. Я тороплюсь, мне давно уже пора из дому выйти. Сегодня вот только задержалась...

Быстро выпила кофе, съела пирог. Очень вкусный, кстати. О чем и сообщила Татьяне Васильевне, вставая из-за стола. И быстро пошла наверх одеваться. Быстро, быстро! Там Аня уже вся изнервничалась, наверное...

* * *

Дорога от дома была такой знакомой, что можно ехать, закрыв глаза. По крайней мере, не напрягаться лишним вниманием. И думать можно. И вспоминать... Сегодня ведь памятный день, даже положено так. И душа Алешина где-то рядом летает. Может, в машине сидит, на переднем сиденье.

От этой мысли напряглась немного, расправила плечи, улыбнулась. Пусть Алеша видит ее такой – улыбающейся. Ему ж наверняка хочется, чтобы она счастливо жила. Он же ее так любил...

И она его любила. С первого класса. Вполне ясно осознавала, что любит. Они и были неразлучны с первого класса, с тех пор как сели за одну парту. И близость у них получилась

довольно ранняя, чего уж там... И планы строили на дальнейшую жизнь счастливые. Чтоб вместе, чтоб семья, чтоб много детей. А после того, как Алеша из армии вернется, чтоб непременно свадьба была. И белое платье, и машина с пупсом на капоте, и застолье широкое. И даже беременность она восприняла как вполне счастливое событие. Алеша уже два месяца далеко от нее был, а она поняла, что беременна...

И мама тоже поняла. И всплеснула руками, запричитала:

– Господи, Ладка, да что ж ты у меня глупая такая... Подождать не могла, что ли? Тебе ж восемнадцать всего! В институт не поступила, а пузо себе добыла, ума хватило! Что ж теперь делать-то будем, а?

– Да я на следующий год поступлю, мам... Подготовлюсь хорошо и поступлю!

– Ну да! Куда ты с дитем на руках поступишь? Кто ж с ним нянчиться будет, скажи? Я не могу, я работаю... А Лидка мала еще, ей только четырнадцать будет... Иль ты сразу на меня и на младшую сестру рассчитывала?

– Да ничего я не рассчитывала, мам...

– Вот то-то и оно, что не рассчитывала! А надо было все рассчитать-то! Не бежать впереди паровоза! Еще и не факт, что Алеша твой обрадуется, когда узнает!

– Он обрадуется, мам. Я знаю. По-другому просто быть не может.

– Ладка, Ладка... Ну вот что у тебя в голове творится, а? Молодая девка еще, и уж замуж невтерпеж оказалось! Так невтерпеж, что матери в подоле принесла! Ой, господи божечки, да что ж это такое, беда на мою несчастную голову... Сколько лет без мужа вас с Лидкой поднимаю, силы мои на исходе, а ты мне такой подарочек преподнесла! Хоть бы о матери подумала, бессовестная! Мать-то не семижилная, чтобы все на себе тащить! Где я сил столько возьму, из колена выколю? Ой, беда, беда...

– Мам, ну не надо! Разве можно так про ребенка говорить, что он беда? Это ж внук твой... Или внучка...

– А чем кормить внука или внучку станем, а? Ты подумала? Да тебя ведь даже на работу никто не возьмет, с пузом-то!

– Нет еще никакого пуза, мам... Не видно еще...

– Ну, хоть не видно... и то ладно. Надо тебе быстрее работу какую-нибудь найти, Ладка. Чтоб декретные выплатили хотя бы...

– Да, мам. Я устроюсь куда-нибудь, я уже думала.

– Надо же, думала она! И что ж ты надумала, интересно?

– Не знаю пока. Если б меня еще не тошнило все время и голова бы не кружилась...

– А ты как хотела, интересно? Думаешь, так просто детки даются, да? Ничего-ничего, привыкай... И через тошноту придется работать, и через головокружение. Так, чтобы не догадался никто раньше времени.

Мама вздохнула, помолчала немного, потом проговорила задумчиво:

– Ладно, переговорю я со знакомыми насчет работы для тебя... Может, и найдется что подходящее, чтобы в тепле, не на морозе... Не на стройку же тебя отправлять, в самом деле...

Уже через неделю мама, придя с работы домой, заявила ей прямо с порога:

– Ладка, завтра на работу выходишь, я договорилась!

– Куда, мам?

– Продавцом в магазин... Правда, первый месяц только на обучении будешь, потом уж по-настоящему...

– А в какой магазин?

– В новый. В центре города открывается. Продуктовый какой-то, новомодный. Говорят, там все как-то по-особому будет. Мужик, который магазин открывает, специально в Америке был, чтобы поглядеть, как там у них в магазинах все устроено. Теперь вот продавцов набирает! Причем исключительно молодых и красивых девок, у него прямо конкурс там... А моя сослу-

живица Фаина Марковна с ним в соседях живет, вот и похлопотала за тебя, ага. Я ж ей не сказала, что ты скоро в декрет пойдешь. Выходит, подставила Фаину Марковну под монастырь. Но что делать, пришлось... Наверное, поймет меня и простит. Так что наводи марафет, чтоб с утра свежим огурчиком выглядела, поняла? И кисленького чего-нибудь попей с утра, чтоб не тошнило. Ой, забыла совсем сказать! Знаешь, как магазин у этого мужика будет называться?

– Как, мам?

– «Любимый». Ловко придумал, ага? Мол, пойду-ка я в любимый магазин отоварюсь...

– Да. Смешно.

– Ну, нам-то с тобой не до смеха, сама понимаешь. Главное, ты улыбайся этому мужику позавлекательнее завтра, чтоб на работу взял. Ты ведь у меня тоже девка не из последних, все при тебе... Мордашка симпатичная, фигурка ладенькая. По крайней мере, пока...

На следующий день она познакомилась с директором магазина, звали его Яковом Никитичем. И очень смущалась, когда он ее разглядывал. Так разглядывал, будто лошадь на базаре покупал. Спасибо, что хоть рот не открыл, чтобы зубы проверить...

Взгляд у Якова Никитича был острый как лезвие. И лицо умное, насмешливое. И даже не чувствовалось, что ростом был ниже ее. Может, потому что крепок был, широк в плечах, и голова с порядочными залысинами. Ей вообще показалось, что он в солидном уже возрасте, такой весь дяденька-дяденька. Хотя другие девчонки, которые в тот день на работу устраиваться приходили, шептались меж собой, что ему и сорока еще нет.

Да, сколько же Яше было тогда лет? Если ей восемнадцать, то ему всего тридцать шесть... Молодой ведь совсем! А ей стариком показался. Еще и залысины эти на голове... Противные такие, фу! И взгляд оценивающий, и молчание долгое... Мол, брать эту молодуху или не брать?

Она ж не знала тогда, что Яша на нее сразу запал. Правда, первое время никак себя не проявлял, относился к ней так, как и к другим девчонкам-продавцам. Помнится, как созвал всех на общее собрание, целую лекцию прочитал об особенностях открывающегося магазина. Говорил тихо, спокойно, проникновенно даже:

– Как вы сами знаете, наш покупатель давно привык, что ему в магазинах всегда хамят... И хамство продавцов воспринимает как должное. Такова наша реальность, увы. Прибавить к этому еще и обвес, обсчет, плохое качество продуктов... Все это мы с вами знаем и понимаем. И потому будем работать по принципу от обратного. Вместо хамства – улыбка и сплошная радость с искренней вежливостью: ах, мол, какое счастье, что вы посетили наш магазин! Каждому покупателю в первую очередь улыбка и ваше здравствуйте! В буквальном смысле «здравствуйте», вы меня поняли? Вопросы есть?

– Есть... – тихо откликнулась одна из продавщиц. – Я вот не поняла. Яков Никитич, это что же, мы с каждым входящим должны будем здороваться, что ли?

– Да, именно так. Именно с каждым. Без исключения.

– Так они ж это... Они ж оторвутся на нас по полной программе! Они ж не поймут, Яков Никитич! А если они нам хамить будут, что тогда? Уж и ответить нельзя, что ли?

– Нет. Нельзя. Только улыбка, только доброжелательность и понимание в глазах. И вежливость бесконечная, до сахарного сиропа. И не забудьте – каждому покупателю полагается ваше «здравствуйте». Каждому без исключения! Усвойте это обязательно!

Нервный шепоток пробежал меж продавцов, кто-то даже хихикнул возбужденно, кто-то невольно покрутил пальцем у виска – совсем Яков Никитич ненормальный, что ли? Да где это видано, чтобы продавец в продуктовом магазине с каждым покупателем здоровался? Еще и вежливо улыбался при этом, радость искреннюю источал... Всегда ж прерогативой продавца было хамство, причем искреннее! Да и покупатели сами к такому привыкли... Зачем их с ума сводить такими сногшибательными новшествами? Еще в обморок от удивления начнут падать!

– Я понимаю ваше удивление и возмущение, очень даже понимаю, дорогие мои! – поднял обе ладони Яков Никитич. – Да, такова нынешняя реальность нашей торговли, но наша задача – переломить эту реальность, вот в чем дело! Мы с вами, можно сказать, будем первопроходцами во всем этом... Будем работать так, чтобы покупатель валом валил к нам в магазин... хотя бы поначалу просто поглазеть и удивиться!

– Так ведь они сначала удивятся... А потом нам же и хамить начнут! – снова прозвучал чей-то робкий голосок.

– Да, начнут. Может быть. А вы все равно улыбайтесь. Вас провоцировать будут, а вы улыбайтесь.

– Ну, прям дурдом какой-то получится, а не магазин... Это с нашими психованными покупателями... Да они ж все ненормальные, Яков Никитич!

– Да, они ненормальные. Да, психованные. Но они несут к нам свои деньги, они делают нашу выручку. И будет так, как я сказал, не надо со мной спорить, ничего мне возражать не надо. Кто не согласен с такими условиями работы, может уйти прямо сейчас.

Яков Никитич замолчал в ожидании, обвел всех долгим взглядом. Ждал. Мол, давайте, давайте, ну же...

Никто не встал и не ушел. Надо сказать, что зарплаты в магазине новый директор установил довольно приличные, побольше, чем в других местах. За такие зарплаты и улыбаться не грех. И здороваться с каждым покупателем тоже можно, если уж такая у него прихоть странная появилась.

– Все, тогда завтра открываем магазин и приступаем к работе! Я думаю, у нас все с вами получится! Если вопросов больше нет, то все свободны, всем спасибо...

Так на другой день и получилось – народ обалдел и от улыбок, и от вежливости, и особенно от этого «здравствуйте» каждому в дверь входящему. И она тоже вместе со всеми улыбалась старательно. И здоровалась. Поначалу неловко было и дико даже, а потом ничего, к концу дня попривыкла...

Правда, без казусов не обошлось. В середине дня забежал в дверь довольно растрепанный мужичонка, лицо озабоченное, смурное. Она ему от прилавка сразу улыбку подарила и дежурно вежливое «здравствуйте». Мужичонка сначала отпрянул, потом застыл, долго глядел на нее в недоумении. Потом купил что-то, пошел к выходу... И вдруг развернулся, снова подошел к ней крадучись, спросил тихо:

– Слушай... Я не припомню что-то... Мы с тобой были где вместе, что ли?!

– В каком смысле? – удивленно подняла она брови, продолжая улыбаться.

– Да ты прости, я ж говорю, никак вспомнить не могу... Ты ж поздоровалась... Ну, вроде мы знакомы с тобой. Мне ж неловко как-то, что я не помню... Где мы с тобой были-то? У Петьки на хате, что ли?

– А, вот вы о чем... Нет, успокойтесь, нигде мы не были. Это мы теперь с каждым покупателем здороваемся, только и всего.

– Зачем?!

– Что – зачем?

– Ну... Зачем здороваются-то, не понял?

– Ну, как сказать... Из вежливости, из уважения...

– Да ты что? Прямо с каждым?

– Ну да...

– Во чудеса... Сроду такого не видывал... Надо будет всем рассказать, что у вас тут творится!

На другой же день слух о невиданном новом магазине облетел весь городок, и народ пошел пачками, они не успевали товар выставлять, все на ходу сметали. Так и стал магазин

со временем в народе любимым. Оправдал придуманное Яков Никитичем Любимовым название...

Да, вот так все было. Теперь улыбкой и вежливостью никого не увидишь, привыкли уж давно к реверансам и подпрыгиванию продавцов вокруг покупателя. А тогда новшеством диким было. И Яша его первым в их городок принес. И она вместе с ним у истоков стояла...

Теперь у Яши уже три магазина «Любимых». Вернее, в их семье три магазина. В одном из них она трудится директором. Точнее, заведует торговым объектом, как давеча Аню поправил проверяющий из трудовой инспекции.

Интересно, почему это к ним всякие инспекции в последнее время зачастили? Опять кто-то жалобы пишет, что ли? Конкуренты балуются? А что, вполне может быть... Сейчас ведь среди всех этих «Монеток» и «Пятерочек» своя война за место под солнцем идет, попробуй удержаться на плаву! Да, надо на эту тему с Яшей поговорить...

Вот и дорога лесная уже закончилась, в город въехала. Тут уж надо выключаться из воспоминаний, зорко по сторонам глядеть. Хоть и небольшой у них городок, а движение на дорогах... будь здоров.

Аня встретила ее со сдержанным недовольством, которого ни за что и никогда не проговорила бы вслух. Но было недовольство, было... Мол, мы тут крутимся все с утра, а вы, уважаемая Лада Викторовна, изволите до позднего утра почивать, не торопитесь никуда!

– Что там наш трудовой инспектор, Ань? Накопал еще что-нибудь? – спросила на ходу, направляясь в кабинет.

– Да нет вроде... Вы уж сами с ним общайтесь, Лада Викторовна, хорошо? Я боюсь... Вдруг скажу что-нибудь не так...

– Хорошо, Ань. Чего у тебя лицо такое перепуганное? Подумаешь, инспектор...

– Да я не из-за него... Представляете, опять от поставщика бракованная партия тушенки пришла! Все банки в коробках мятые! Что делать будем? Опять возвращать? Жалко, хорошая тушенка, ее быстро разбирают!

– Ну, если разбирают, значит, не будем возвращать. Сделаем небольшую скидку, вот и все.

– Вы думаете? Ну, не знаю... Я бы вот не стала покупать мятую банку, к примеру... Хоть и знала бы, что внутри хороший продукт, а не стала бы. Тут, знаете, психологический уже момент...

– У тебя, Аня, зарплата позволяет этот самый психологический момент допускать. А другому его зарплата вовсе не позволяет... Для другого этим моментом как раз скидка и будет. Так что делай так, как я сказала, Ань.

– Ну, не знаю... А как же престиж магазина, Лада Викторовна? Вот Яков Никитич всегда говорит, что...

– Здесь я хозяйка, а не Яков Никитич, Анечка. Это мой магазин. Да, юридически он принадлежит Якову Никитичу, но я уже четверть века здесь всем управляю. А Якову Никитичу и без того работы хватает в других магазинах. И все на этом, вопрос исчерпан.

Аня пожала плечиком, кивнула, вышла из кабинета. Проводила ее глазами, усмехнулась – ишь ты, мол... Яков Никитич ей говорит, надо же! Авторитет непререкаемый...

Хотя надо признать – так и есть. Непререкаемый. И безупречный. Три магазина – три Яшиных детища. Всего себя он в это дело вложил, без остатка.

А с другой стороны... Это ведь и ее детища тоже. А если уж совсем с юридической стороны глянуть... Детища эти называются совместно нажитым имуществом. И никак иначе. В собственность перешли, когда они уже семьей были. Мужем и женой. Так-то вот...

Странно, почему именно сейчас ей об этом подумалось. Именно в такой день... Ведь особенный день-то сегодня. Година Алешина. Надо будет обязательно на кладбище поехать, как и всегда... Сейчас все дела разгребет и поедет.

Как всегда...

* * *

На кладбище было тихо и ветрено. Пока шла к Алешиной могиле, защищала от ветра купленные по дороге розы – как бы лепестки раньше времени не облетели. Почему-то это казалось очень важным, чтобы донести розы красивыми. Будто Алеша их видеть мог...

Издали еще заметила, что у памятника кто-то есть. По грузной фигуре узнала маму Алеши, Зинаиду Ивановну, свою несостоявшуюся свекровь. А с ней... Кто же еще рядом с ней?

Понятно... кто. Валера с Женей. То есть лучшая подруга Женька с мужем Валеркой. Почему тогда Женька ей не позвонила, не сказала, что они с Валерой вместе с Зинаидой Ивановной на кладбище пойдут? Подруга, называется...

А когда-то они вчетвером дружили, крепкая компания была, сложившаяся с первого класса. Валера был лучшим другом Алеши, Женька – ее ближайшей подругой. Помнится, даже свадьбу собирались играть совместную... Валеру тоже в армию забрали, и они с Женькой хотели их верно ждать... Вот и получилось, что Женька Валеру дождалась и замуж за него вышла, а она – нет. Отняли у нее Алешу. В цинковом гробу домой привезли.

Она потом даже на свадьбу к Валере и Женьке не пошла – не смогла как-то. Позже поздравила, хороший подарок преподнесла. Счастья от души пожелала. Да только со счастьем у них как-то кособоко все получилось... Нет, жили, не разводились, но и радости Женьке от Валеры мало перепадало. Пил он все время, крепко пил. И ничего она с этим зеленым змием не могла поделаться. Уж сколько его по врачам водила, сколько раз кодировать пыталась – не счесть. Валера все равно выкручивался, как мог. В итоге Женька рукой махнула – пусть живет так, как хочет. Говорила ей в отчаянии:

– Мне что, больше не на кого силы тратить, Ладка? У меня вон дочь растет! Да я лучше своей Аськой заниматься буду, на музыку ее водить и на кружки, чем Валеру стеречь... Пусть он пропадает, если сам так решил! К тому же он в подпитии не буйный... Наоборот, начинает извиняться и рассказывать, как сильно нас с Аськой любит, как жизнь готов за нас отдать. А что нам такая жизнь боком выходит, сам того не понимает, ага. Знаешь, даже озлиться на него не могу по-настоящему, просто жалею его, дурака. А какой парень замечательный был, скажи?

– Да, Валерка хорошим был... Красивый такой парень, добрый. И мой Алеша тоже... Вот он бы точно Валерке помог, я думаю. Он его слушал.

– Да ладно... Откуда ты знаешь? Может, и твой Алеша... Знаешь, какими они из Афганистана возвращались? Злыми, нервными, с расшатанной психикой! Может, тебе повезло...

– С ума сошла, Женька? Ты что такое говоришь? Да как у тебя язык повернулся, не понимаю? Да пусть бы он хоть какой пришел, лишь бы живой... Я бы ему помогла, ты что...

– Ладно, ладно, прости! Я ж просто так рассуждаю, безотносительно. Я знаю, как ты его любила. И я Валерку тоже любила... Думала, самой счастливой женой буду, а на деле что вышло? Сама видишь...

– Зато у тебя дочка есть, Жень. Это уже счастье. А я... А у меня...

– Так ты сама виновата, Ладка... Не надо было тебе тогда аборт делать.

– Жень... Ты же знаешь, что я не могла тогда по-другому... Прекрасно знаешь...

– Да, знаю. И все же... Неужели ты после аборта ни разу не забеременела, скажи? Или тебе от Якова рожать не хотелось?

– Да не в том дело, хотелось или не хотелось. Я ж тебе говорила, что мне врач тогда сказал... Что не будет у меня больше детей. Вот их и не было... Яков поначалу очень хотел, а я не могла. Потом и он хотеть перестал... Да и не до детей ему было, времена такие пошли – в любой момент бизнес мог потерять. А ему его магазины как родные детища. Он же повернут на своем деле, всю душу в него вкладывает!

– Ну да, ну да... Кому что дано... Кто-то без детей жить не может, кто-то – без дела. Понимаю, что ж. И все же не надо было тебе тогда аборт делать, Ладка!

– У меня выбора не было, Жень. Так обстоятельства сложились, ты же знаешь. И хватит мне душу рвать. Ты мне подруга или ехидна?

– Да подруга, подруга... Твоя подруга – несчастная жена алкоголика, потому и ехидна самую малость. Ладно, не будем больше об этом...

Так и жили они, каждая своей жизнью. И всегда неизменным было правило – в Алешину годину встречаться и его вспоминать. Можно было и не договариваться заранее, все равно в этот день увидятся. Будто Алеша их у себя перед глазами собирал...

Женька первой ее увидела, обернувшись, помахала рукой. Лада подошла, встала рядом с Зинаидой Ивановной, ухватила ее за локоть, сжала слегка. Мол, вот и я пришла помянуть Алешу, ваша невестка несостоявшаяся.

Зинаида Ивановна локоть из ее пальцев выдернула, отступила на шаг. Вздохнула сердито, сжав губы.

Понятно... Настроение у нее сегодня такое, стало быть. Отвергающее. Не всегда оно таким бывает, из года в год разное в этот день. Может ей на грудь упасть, обнять и зарыдать громко. Как рыдала на Алешиных проводах, приговаривая:

– Ладушка ты моя, родненькая... Уж ты не забывай меня, заходи, проведывай. А как Алеша вернется, свадьбу вашу играть будем. Самой доброй свекровью тебе буду, только дождись моего Алешеньку, дождись!

Да, может и так ее встретить, родненькой Ладушкой назвать. А может вот так отреагировать – зачем сюда явилась, мол. Видеть тебя не хочу...

Наклонилась, положила цветы к памятнику, глянула на фотографию Алеша. На ней он улыбается беззаботно, кажется, будто сказать что-то хочет. И слезы подступили к глазам, смахнула их быстро, неловко покосившись на Зинаиду Ивановну. Надо же, какое у нее лицо твердокаменное, взгляд преисполнен тихим негодованием.

Женька сделала ей знак рукой – не лезь к ней. И Валера тут же засуетился, пытаясь убрать неловкую паузу:

– Теть Зин, девчонки... Давайте помянем Алешку, чтобы все по-людски было... Надо помянуть обязательно, иначе он обидится, что вы. Сейчас я, сейчас... Я все организую в один момент...

Он торопливо извлек из пакета водку, пластиковые стаканчики, раздал их всем, дрожащими руками свинтил пробку с бутылки. Плеснул всем понемногу, себе же налил до краев, так, что даже расплескалось немного.

– Да куда ты столько... Даже закусить нечем... – сердито проговорила Женька, виновато глянув на Зинаиду Ивановну.

– Да пусть, Женечка, пусть... – плаксиво откликнулась та. – Пусть выпьет, помянет Алешеньку... Чай, лучшим другом был... Сколько захочет, пусть столько и выпьет... А закусить можно конфетками, я вот с собой принесла. Алеша любил эти конфетки с мармеладной начинкой. Вот, возьмите. И ты возьми, Валерочка, возьми...

– Да, тетя Зин, я любил Алешку. Да что там говорить... У меня такого хорошего друга больше за всю жизнь и не было.

Валера опрокинул стаканчик, и водка ловко перелилась ему в рот, будто даже и с радостью. Женя тоже выпила, содрогнулась слегка. Лада лишь пригубила, пить не стала.

– Даже и выпить не хочет... – с плаксивой яростью проговорила Зинаида Ивановна, глянув на нее быстро. – Зачем тогда пришла, тебя и не звали вовсе...

– Я не могу пить, я за рулем. А пришла я не к вам, а к Алеше. Не можете же вы мне этого запретить, Зинаида Ивановна.

Женька сделала ей большие глаза – зачем ты, зачем? Зачем сама нарываешься? Видишь ведь, в каком она настроении, сейчас нападать на тебя будет!

– Думаешь, Алеше так уж приятно, что ты его помянуть пришла? Думаешь, он хочет тебя здесь видеть? Да как бы не так, ага!

– Зинаида Ивановна, прошу вас... Не начинайте, пожалуйста. Здесь не время и не место, чтобы затевать ссору.

– А я ничего и не затеваю... Я говорю так, как есть. И если захочу, так все тебе скажу... Пусть Алеша слышит! Это он ведь из-за тебя под пули пошел, из-за тебя, я все знаю!

– То есть... Как это – из-за меня? И под какие пули, Зинаида Ивановна? Откуда вы это взяли?

– Конечно, из-за тебя... Это ж ясно! Ты его проводила и почти сразу начала со своим Яшкой якшаться! Ему кто-то написал, видать... Вот он с горя под пули и полез! Ты его убила, ты!

– Но вы же сами знаете, что это неправда, Зинаида Ивановна... Зачем вы все придумываете? Я понимаю, как вам тяжело, вы сына потеряли... Но придумывать-то зачем? Столько лет уж прошло, а вы...

– Это я придумываю? Я? Да ты... Да я же столько лет в себе эту обиду ношу... Ты же сразу тогда за Яшку своего замуж выскочила, что, разве не так?

– У меня не было другого выхода, Зинаида Ивановна, поверьте мне. Я ведь все объяснила вам еще тогда... Вы забыли, наверное...

– Да ничего я не забыла, и не надейся! Ты ведь еще и аборт сделала, ребеночек-то Алешин был! Внука меня лишила... Зачем ты аборт сделала, а? Яшка чужое дитя брать не захотел? Так мне бы отдала внука... Я бы вырастила Алешиного сыночка, память бы о нем была!

– Да я ж вам объясняю, не могла я тогда поступить иначе! И вы прекрасно знаете... почему! Мне надо было сестру спасти, я не могла...

– Да ладно сестрой-то прикрываться. Не могла она! Да все ты могла, не захотела просто! Ты моего Алешу убила, ты! Видеть тебя не могу, бессовестная! Уйди, уйди отсюда, с глаз моих уйди!

Зинаида Ивановна зашла в гнев, смахнула слезы с покрасневшего лица. Валера, воспользовавшись короткой паузой, проговорил примирительно:

– Ну зачем ты так, тетя Зин... Ни в чем она не виновата. И родила бы, и Алешу бы дождалась, если б его не убили... Вот Женька ж меня дождалась, правда?

– Ну да, ну да... Любит, вот и дождалась. А эта... Да сроду она моего Алешеньку не любила! И зачем только приходит сюда, непонятно... Видать, совесть-то гложет все-таки, вот и приходит! Да только что мне теперь от ее совести, куда складывать-то? В сердце только боль и обида...

– Вы не обижайтесь, Зинаида Ивановна, грех это. Человек помянуть пришел вашего сына, нельзя его гнать. Давайте лучше еще Алешку помянем, друга моего...

Валера улыбнулся жалко, придвинулся ближе к Зинаиде Ивановне, будто боялся, что жена отберет у него из рук бутылку. Женька только вздохнула, отвела глаза.

– Ты выпей, Валера, а я уж не буду... Боюсь, и без того удар хватит, разнервничалась. Выпей, и пойдем с тобой потихоньку... Там ведь такси ждет. А дома я стол накрыла, посидим, помянем. Пойдем...

Валера успел опрокинуть в себя полный стаканчик, выдохнул сипло. Зинаида Ивановна тут же уцепилась ему под руку, грузно развернулась, пошла по дорожке прочь. Женя проговорила тихо:

– Ну вот, Ладка, опять тебе влетело по первое число... Я утром как увидела ее, сразу поняла, что она не с той ноги поднялась. И потому тебе даже звонить не стала. Думала, может, забудешь про годину... А ты тут как тут!

- Да как же я могла забыть, Жень? Я хоть когда-нибудь забывала?
- Нет... Нет, конечно. Надо было мне тебя предупредить, что ли...
- О чем предупредить, Жень?
- Ну, что Зинаида не в духе... Чтобы ты после нас на кладбище поехала. Видишь, как

все плохо получилось.

- Да ладно, переживу. Не впервой.
 - Конечно, переживешь. Тебе что, с этой Зинаидой Ивановной детей крестить?
- Лада взглянула на подругу коротко, отвела глаза. Женя проговорила виновато:
- Ой, опять я что-то не то брякнула, да? Про детей-то...

Лада лишь пожала плечами, ничего не ответила. Чтобы выйти из неловкой паузы, Женя вздохнула насмешливо:

– А мой-то, мой-то Валерка... Видела, каков? Лишь бы за бутылку схватиться быстрее, был бы повод! С утра уже копытом бьет в нетерпении. Ну вот что ты с ним будешь делать, а? Так и живу в этом во всем...

– Ладно, Жень... Ты догоняй Валеру с Зинаидой Ивановной, а то она и на тебя тоже обидится. А я тут еще побуду немного. Вдвоем с Алешей побуду.

– Ага, поняла... Я потом тебе позвоню или в гости вечерком выберусь. Давно не встречались. Поболтаем...

Женя ушла, и стало очень тихо, лишь было слышно, как ветер перебирает листья кладбищенских берез. Алеша по-прежнему смотрел на нее с улыбкой, как ей показалось, виноватой немного... Мол, не обращай внимания на мать, не обижайся. Надо же ей в кого-то материнской болью плеснуть...

– Да я не обижаюсь, Алеша, что ты... – произнесла тихо и улыбнулась. – Я ж все понимаю. Может, и впрямь твоей маме легче немного станет. Пусть, пусть... Главное, ты спи спокойно, не переживай ни о чем. Я помню тебя, Алеша. Прости меня, прости...

И снова тишина, и снова ветер слова ее подхватил, унес куда-то. Постояла еще немного, потом поклонилась, проговорила тихо:

– Прости меня, Алеша, прости. Пойду я... Редко к тебе прихожу, милый мой, родной. Пойду...

Повернулась, пошла по дорожке к выходу. На душе было грустно и неприятно, очень хотелось поплакать. Или выговориться хотя бы. Надо и впрямь Женьку в гости позвать, давно не встречались. Близкие подруги все-таки...

* * *

В магазине ее ждал Яша. Сидел за ее рабочим столом, смотрел в экран компьютера. Не отрывая глаз от монитора, спросил недовольно:

– Где тебя носит, интересно? Даже никому не сказала, куда поехала... И на звонки не отвечаешь! Любовника, что ль, завела?

Яша хохотнул коротко, давая понять, что это у него шутка такая. Что на самом деле у него не может быть никаких подозрений, откуда?

Ей даже обидно стало. Что, совсем она в тираж вышла, что ли? И потому ответила немного с вызовом:

– На кладбище я была, Яш. Сегодня година по Алеше, я всегда в этот день на кладбище езжу.

– А... Понятно... И что, плачешь там, наверное? Жалуешься погибшему жениху на свою горькую судьбинушку? Что плохо живешь, что жемчуг у тебя мелок?

– При чем тут жемчуг, Яш! Не все же меряется размерами жемчугов! Иногда люди бывают счастливы просто так...

– А ты, стало быть, несчастлива?

– Я этого не сказала, Яш.

– Да ладно, чего я к тебе привязался... Я ведь не для того приехал. Мне с тобой по делу переговорить надо было. Но теперь уж не успею... Меня в налоговой ждут. Лучше я вечером к тебе приеду, вот что. Посидим, поговорим... А ты стол накрой красивенько, чтоб со свечами... Со всякими там причиндалами...

– Зачем это, Яш?

– Как это – зачем? Муж я тебе или кто? Может, я по тебе давно уже соскучился? Живем как чужие... Ты в доме, я в квартире. Гостевой брак – это хорошо, конечно, я не спорю... Но это же брак все-таки, согласишься!

– Что, и ночевать в доме останешься? – спросила она с легкой ноткой насмешливости.

– Не знаю еще. Посмотрю на твое поведение. Может, останусь, а может, и нет.

Она промолчала, боясь выдать удивление, смешанное с сарказмом. Эвона как! Он будет смотреть на ее поведение! Не на свои мужские потенциальные притязания, а на ее способности, значит! И ведь не скажешь ему сейчас, что лучше эти самые притязания не озвучивать с такой гордостью... Что там от этих притязаний осталось в шестьдесят восемь лет?

– Ладно, поехал я, и без того опаздываю... – быстро проговорил Яша, выбираясь из-за стола. – А ты готовься, мужа встречай вечером! Часикам к восьми приеду.

Лада вздохнула – вот же приспичило ему... И почему именно в такой день, который принадлежит Алешиной памяти? Но ничего не поделаешь, придется заниматься романтическим ужином, будь он неладен. Но сама она не станет им заниматься, попросит все приготовить помощницу по хозяйству. Зря, что ли, она ей хорошие деньги платит. Надо ей позвонить...

Татьяна Васильевна выслушала ее с большой радостью. Вопросы относительно ужина она задавала с энтузиазмом. Заверила, что к половине восьмого будет все готово, и сама она из дома уйдет... Последняя фраза про то, что «сама уйдет», прозвучала как-то излишне интимно, и Лада поехала от этого панибратства. И ведь замечание не сделаешь, чтобы разом прекратить это безобразие, потому как Татьяна Васильевна, по выражению мамы, «она ж своя». Она ж ее с детства знает...

Домой вернулась ровно в половине восьмого, чтоб уж наверняка не застать Татьяну Васильевну. Нашла записку на кухонном столе, похожую на подробную инструкцию – мол, в духовке мясо доходит, а в холодильнике тортик домашний остывает... Когда холоденький, он более вкусенький. И что цветочки для стола пришлось с клумбы срезать, как же без цветочков-то?

Так и захотелось эту записочку смять и выбросить, чтобы глаза не мозолила. Еще и цветочки эти были последней каплей... Ну зачем, зачем она пошла у мамы на поводу и согласилась на эту Татьяну Васильевну? Вот всю жизнь так... Мама умеет ее достать. И раньше умела, и сейчас тоже. Правда, сейчас она с другого бока приноровилась к ней подкрадываться... Мол, я старый человек, нехорошо меня расстраивать, нервы уже не те, сердце не то. Лучше уж уступить старому и больному человеку...

Достала из духовки мясо, попробовала. Оно было отменным, конечно. И тортик, можно не сомневаться, выше всяких похвал. Но отчего-то разозлилась еще больше, будто эта вкуснота была нахально излишней во всей ситуации. Неприличной даже. Было бы лучше, если б она в этот вечер картошки себе отварила, селедки крупными кусками нарезала и опрокинула бы пару рюмочек в одиночестве за помин Алешиной души... И всплакнула бы потом сладко. И спать легла.

Но все получилось так, как получилось. Сама виновата. Как не имела раньше твердого характера, так за всю жизнь этой твердости и не прибавилось.

Вскоре услышала, как к крыльцу подъехала Яшина машина. А вот и он сам появился в гостиной, плюхнулся в кресло рядом с накрытым столом, проговорил довольно:

– Ишь ты, молодец, и впрямь стол накрыла... И цветочки вон стоят... А где свечечки?

- Давай без свечек, Яш. Ты ж вроде со мной поговорить о чем-то хотел. Вот и будем сидеть и разговаривать... Тебе салат положить? Или сразу мясо будешь?
- Мясо давай. И коньяк налей в большую рюмку.
- Ты ж за рулем, Яш...
- И что? Может, я ночевать останусь?
- Ладно, как хочешь... Так о чем ты со мной хотел поговорить?
- А чего ты торопишь меня? Дай хоть поесть-то... Вкусно вон как... Сама готовила?
- Нет. У меня новая помощница по хозяйству, она очень хорошо готовит.
- Кто такая? Откуда? Паспорт смотрела? Молодая или в возрасте? Наша или беженка молдавская? Почему со мной не посоветовалась, прежде чем в дом человека брать?
- Да успокойся, Яш. Почему ты всегда и во всем подвох видишь? Это всего лишь соседка моей мамы по лестничной клетке.
- Понятно. Так молодая она или не очень?
- Не молодая. Ей, по-моему, больше шестидесяти... Она еще учительницей у меня в школе была. Паспорт я не спрашивала, неудобно было. Да и зачем, если я эту Татьяну Васильевну с детства знаю?
- Хм... Интересно! Значит, учительница теперь у тебя на посылках? Балдеешь от этого, да?
- Нет, наоборот, Яш. Мне ужасно неловко, и я долго сопротивлялась. Но мама за нее очень просила... Этой Татьяне Васильевне срочно деньги нужны, внукам помочь надо. Один собрался квартиру в ипотеку взять, другому за учебу платить надо.
- А родителей у этих внуков нет, что ли?
- Есть, почему же... Видимо, не справляются. Я правда не хотела, но мама очень просила, я не смогла отказать.
- Ну да, ты ж у нас такая сердобольная. Давай... устрой в доме пансионат для престарелых, ага. Или фонд для голодающих детей Мозамбика открой. Ладно, что хоть вкусно готовит твоя новая помощница по хозяйству, и то хлеб. Но все равно не нравится мне, что со мной не посоветовалась!
- Я поняла, Яш. Поняла. Прости, пожалуйста. В следующий раз обязательно буду с тобой советоваться.
- Ладно... Да мне все равно, в общем. Это я так, ворчу просто. День сегодня тяжелый был, устал сильно. Еще и к тебе пришлось ехать...
- Так не ездил бы...
- Ладно, ладно! Сразу уж и за слова цепляешься! Я вот о чем хотел поговорить... Я-то всегда с тобой, между прочим, советуюсь! Ведь так?
- Да, Яш. Так о чем все-таки?
- О юбилее твоём... Как отмечать будем, где...
- О господи! Я думала, у тебя что-то важное! А ты про юбилей! Не надо мне никакого юбилея, правда!
- Почему это?
- Не хочу... Просто не хочу. Давай узким кругом отметим, без банкетных залов и пафоса.
- Узким кругом – это как? Ты да я, да мы с тобой?
- Нет, почему? Маму еще позовем, Женю с Валерой...
- И будем сидеть и смотреть, как твой приятель надирается, да? Вот уж удовольствие какое... А я же как лучше хотел! Чтобы праздник был настоящий! Банкет закатить! Но почему не хочешь-то? Объясни?
- Не знаю. Настроения нет. Да и что там отмечать, скажи? Пятьдесят лет – не восемнадцать. Начало старости, что ли, отмечать?

– Ну, ты даешь... Настроения нет, надо же! Нашла причину! Да и почему это у тебя настроения нет, интересно? Чего тебе не хватает, скажи? Бедно живешь, копейки до зарплаты считаешь, проблемы у тебя с внуками?

– Да нет у меня внуков, Яш. Зачем ты про внуков-то...

– В том-то и дело, что нет! Ни одной настоящей жизненной заботы у тебя нет, Ладка! А все остальное есть! Ну чего, чего тебе не хватает? Почему у тебя в последнее время рожа кислая, не понимаю? Ты ж всегда такая была... Вроде довольная всем... А в последнее время будто подменили тебя. Может, что-то случилось, а я не знаю?

– Да ничего не случилось, Яш. Просто... Мне пятьдесят будет, понимаешь? Не двадцать, а пятьдесят. По-моему, я уже заслужила право на кислую рожу. По крайней мере, заслужила право не делать ее натужно счастливой.

– Ничего себе... заявления. Это что же такое ты хочешь сказать? Что ты не жила со мной, а тужилась, что ли? И счастлива не была?

– Ну, смотря как понимать это счастье...

Яша ничего не ответил, только смотрел на нее долго, долго. Потом посуровел глазами, подался вперед, проговорил вкрадчиво:

– А я не собираюсь с тобой про счастье сейчас толковать... Да и сразу не собирался, если уж на то пошло. В общем, я так решил... Юбилей мы с тобой будем отмечать, милая. И очень широко отмечать. И мне все равно, какое у тебя настроение, хочешь ты этого или нет. Считаю, так для дела надо. Да и гости званы уже... Сегодня вот, к примеру, начальника налоговой пригласил вместе с супругой. Город у нас небольшой, я тоже человек в нем не последний. Меня не поймут, если я юбилей жены отмечать не стану. Надеюсь, ты поняла меня, да?

– Поняла, конечно. О чем речь. Только мне не ясно... Зачем было спрашивать, хочу я юбилей отмечать или нет?

– Ну как... зачем. Жена ты мне или кто? Я должен был с тобой посоветоваться. И вот еще что... Своих родственников тоже зови, пусть приедут. Я твою сестру имею в виду... И чтобы с мужем приехала обязательно! Если денег на билеты нет, дай им денег. Не впервой ведь...

– Хорошо, я позвоню Лиде. Приглашу их с Игорем.

– И подругу свою зови...

– Женю?

– Ну да. Или у тебя еще близкие подруги есть? Только пусть одна приходит, без своего алкоголика. Он напьется и всю картину мне испортит. А сестре прямо сегодня позвони, чтоб готовилась! Я уж давно ее не видел, какая она стала...

– Хорошо, я позвоню. Я думаю, Лида обязательно приедет. Но Женю я не могу без Валеры позвать, она обидится.

– Ладно, ладно... Делай так, как знаешь. Это же твой юбилей. Можешь хоть весь город созвать, не страшно. В «Маргарите» банкетный зал большой, всем места хватит. Я решил в «Маргарите» все заказать, там более-менее прилично. И управляющий у меня в долгу, я ему денег давал, чтобы сына из неприятностей выгнать. Помнишь ту историю, когда этот самый сынок на машине на тротуар выехал, народу много покалечил? Там денег собрать много надо было, ой, много... Так что расстарается, я думаю. Ты не против «Маргариты», надеюсь?

– Нет. Я не против. Мне все равно. Яш. Только я не знала, что ты ему денег давал...

– А что, не надо было, считаешь?

– Нет. Не надо. Было бы лучше, если бы тот сынок понес наказание по полной программе.

– Экая ты кровожадная... А говоришь, что тебе все равно!

– Да, все равно, если по большому счету... Все равно...

Наверное, зря она дважды произнесла это «все равно», потому что Яков опять смотрел на нее долго и тяжело. Потом вздохнул, огляделся кругом, произнес тихо:

– Ладно, я домой поеду... Неуютно мне как-то в доме. Будто я и не хозяин здесь. А может, это рядом с тобой неуютно... Холодная ты стала какая-то. Скучная. Может, и правда старость у тебя начинается, а?

– Да, Яш. Начинается. Даже спорить не стану.

– Хм... А мне чего тогда делать прикажешь? Я же старше тебя на восемнадцать лет! Да только уволь, стариком пока себя не считаю! Побарахтаюсь еще, силы есть!

Она глянула на него грустно – какие уж там силы, господи... Из кресла кое-как выкарабкается. И одышка часто бывает, и пузо растет... И без того никогда красавцем не был, а тут...

Яков направился к двери, она тоже поднялась из кресла, вышла его проводить. Стояла на крыльце, смотрела, как выезжает из ворот его машина. Потом вернулась в дом, снова села за стол.

Ну вот, теперь можно и Алешу спокойно помянуть. Водки выпить, закусить. Удобнее сесть в кресло, подтянув под себя ноги, и вспоминать... Вызвать из небытия Алешино лицо, его улыбку...

Только не получалось почему-то, а жаль. Яков своим визитом все испортил. Память начала работать по-своему, выдавать другие картинки, с Алешей не связанные.

Хотя как – не связанные... Тогда все эти картинки свернулись в клубок, и он понесся куда-то, не разбирая дороги. Все события складывались одно к одному в этом клубке...

Неожиданно заболела Лида. Она тогда в седьмом классе училась, тихая была девочка, послушная дочь, покладистая сестра. Началось с того, что потеряла сознание в школе на физкультуре. Вызвали «Скорую», увезли в больницу. Оказалось, сердечный приступ. Потом ее в областную больницу срочно перевезли... Сказали, будут готовить к экстренной операции. А потом в больницу вызвали маму. Она, помнится, с мамой поехала, потому что та от испуга уже ничего не соображала. Да и она толком не соображала, что им толкует пожилой профессор, только слышала его виноватый голос и видела, как он нервно потирает сухие бледные ладони:

– Понимаете ли, в чем дело... Вашей девочке срочная операция на сердце нужна. Мы можем как-то облегчить ситуацию, конечно, да только это будет временной мерой. Практически бесполезной. Тут о серьезном вмешательстве может идти речь, а у нас пока не разработано таких методик, понимаете? Нам не удастся ее прооперировать, вот в чем дело.

– Что значит – не удастся прооперировать? Я не понимаю... Все само пройдет и без операции? – в надежде спросила мама.

Профессор вздохнул, обреченно покачал головой:

– Нет, само не пройдет, к сожалению. Операция нужна. Можно сказать, необходима. Иначе... Иначе ваша девочка больше двух месяцев не протянет.

– Ну так сделайте операцию, что ж вы! – в отчаянии вскрикнула мама.

Профессор снова вздохнул, прикрыл глаза тонкими пергаментными веками, проговорил терпеливо:

– Я ж вам объясняю, дорогая моя... Вы меня просто не слышите... Я понимаю ваше отчаяние, но и вы поймите меня тоже, прошу вас! Мы не делаем такие операции, у нас возможностей нет, специалистов нет...

– А где они есть? В Москве, что ли? – почти истерически спросила мама.

– И в Москве тоже нет...

– А где тогда есть?! Ведь не может такого быть, чтобы совсем ничего нельзя было сделать!

– В Германии есть хорошие специалисты. Там делают такие операции.

– Где?! Где... вы сказали?

– В Германии, моя дорогая. Ну, может, в Швейцарии еще...

– В Швейцарии... Что вы такое говорите, в Швейцарии... Как же мы туда попадем, что вы... Это ж... Бред какой-то, в Швейцарии...

– Ну, может, и звучит как бред... Но только там могут спасти вашу девочку. А больше я вам ничего предложить не могу, к сожалению. Да, поверьте, мне искренне жаль, но...

Мама молчала, сидела, будто окаменела враз. Не истерила, не плакала, только смотрела на профессора удивленно – что вы такое несете, мол...

– Я думаю, вам сейчас не отчаиваться надо, дорогая моя, а с силами собраться. Действовать как-то надо. Денег добыть, визу сделать... Списать с клиникой, вызов оформить...

– Денег добыть, говорите? Да где ж их добыть, что вы... У меня ж ничего нет... Я одна вон двоих дочерей поднимаю, живем как нищие, из копейки в копейку. И много тех денег надо, чтобы за операцию заплатить?

– Много. Очень много. Там бесплатно ничего не делают. Я даже озвучить боюсь сколько...

– Так вы озвучьте, чего уж! Не стесняйтесь! Озвучьте, сколько жизнь моей доченьки будет стоить!

После того как профессор все же озвучил сумму, ей показалось, что мама сейчас потеряет сознание. Она даже заваливаться начала как-то боком, и пришлось ее поддержать, подставив плечо. И самой разговаривать с профессором.

– Но ведь у вас были такие случаи, правда? Чтобы вы больным советовали в Германию на операцию ехать? Как другие-то справлялись? Ведь находили же где-то деньги, правда?

– Бывало, и находили... Дачи продавали, машины... Да все продавали, что могли продать. В долги бешеные влезали...

– Но нам и продать нечего, вот в чем дело. У нас ни дачи, ни машины нет. И в долг нам никто не даст. У нас все знакомые такие же, как мы...

– А вы не отчаивайтесь так сразу. Вы просто примите это обстоятельство в себя, свыкнитесь с ним, подумайте. Говорят, безвыходных ситуаций не бывает.

– Ой, да что тут думать...

– Не надо так, милая девушка, не надо. Вы ведь даже еще и не вникли в ситуацию, и мама ваша... Плохо ей сейчас, не пугайте ее. Езжайте домой, подумайте... Вашу девочку мы оставим в больнице, будем пока поддерживать. Но долго не получится, учтите...

Профессор глянул на часы и тут же развел руки в стороны:

– Это, собственно, все, что я могу вам сказать... Простите, меня пациенты ждут, надо идти. Я скажу сейчас медсестре, чтобы вас проводила.

– Да не надо, мы сами дойдем... – тихо проговорила она, пытаясь поднять маму со стула. Тянула ее за локоть, а та все никак не вставала, все глядела на профессора в надежде.

Наконец поднялась тяжело. Так и вела ее к выходу, крепко поддерживая за локоть. И потом, когда ехали в электричке, тоже не выпускала ее локоть из руки. Хотя сама себя чувствовала из рук вон плохо – опять эта проклятая тошнота накатывала волнами. И почему-то одна только мысль была в голове – ну почему, почему сразу так много всего навалилось? И сестра заболела, и от Алеши давно писем нет, и тошнота такая, что хоть умри... Вот приехать бы сейчас домой, лечь в постель, укрыться с головой одеялом и уснуть! А проснуться – и все хорошо будет... И Лида выздоровеет, и от Алеши письмо придет, и ребеночек, живущий внутри, мучить ее перестанет... Ой, да лишь бы Алеша жив был, господи... Лишь бы жив...

Утром мама разбудила ее очень рано, за окном еще только светать начало:

– Вставай, хватит спать! Кончилось наше с тобой спанье, хватит! У тебя сестра умирает, а ты дрыхнешь! Вставай!

Села испуганно на постели, еще не понимая ничего. У мамы голос был какой-то странный, будто и не ее вовсе голос. Чужой, злой.

– Ну, чего ты на меня тарацишься? Вставай! На работу собирайся!

– Так рано еще, мам...

– Пока собираешься, поговорим! Я знаю, кто нам даст денег, я ночью все придумала, все решила!

– И кто же, мам?

– А директор твой даст!

– Кто? Яков Никитич? Да ты что, мам... С чего бы он...

– А с того! С того, что ты пойдешь и попросишь!

– Да он не даст, мам...

– Значит, попросишь так, чтобы дал!

– Это как? Не поняла...

– Тебе объяснить, что ли?

– Да...

– Ну что ж, я объясню! Коротко и ясно объясню, чтобы ты дурочкой не прикидывалась! Чтобы он захотел денег дать, надо ему дать! Вот и все! Теперь понимаешь, надеюсь? Грубо звучит, но правильно! Дать ему надо, Ладка!

– Как это... дать? Мам, ты что говоришь такое? Я не понимаю... Нет... Я даже слышать этого не могу! К тому же от тебя... Не надо, мам, мне страшно... Ты как чужая сейчас говоришь, не как родной человек...

Мама придвинула к ней вплотную лицо, глянула в глаза. Лада внутренне содрогнулась – и глаза у мамы были чужие. Совсем незнакомые, отчаянно злые. Никогда у нее таких глаз раньше не было. И голос этот, тоже чужой... Теперь уже тихий, от этого еще более страшный:

– По-твоему, пусть Лидочка помирает, да? Тебе так лучше жить будет? Ты палец о палец не ударишь, себя будешь беречь, а она пусть себе помирает? Не стыдно тебе, нет? Она ж сестра твоя... Вы обе мне одинаково дороги, обе вы мои дочери, Лада и Лида... Никогда я меж вами разницы не делала, одинаково обеих любила. Но сейчас... Уж прости, но тебе надо спасать сестру. Ведь не хочешь же ты, чтобы она умерла, правда?

– Нет, я не хочу... Но... мам. Как же я...

– Господи, доченька... Но что же делать, если другого выхода нет? Ведь все равно мы с тобой больше ничего не придумаем! Да неужели ты думаешь, чтобы я когда-нибудь тебе могла предложить такое... Я же мать! Да я бы свою жизнь отдала, если б кто согласился ее за деньги взять, что ты! Или тоже так... Предложила бы себя кому, да только ведь никто не возьмет, кому я нужна? А ты молодая, красивая... Я слышала недавно, как бабы на работе про твоего Якова Никитича сплетничали, будто он только молодых девок на работу берет! Значит, есть у него интерес к молодым девкам-то! К тому же он не женатый... А еще он шибко богатый, бабы мне сплетничали. Господи, Ладка, ну попробоваться же надо, может, и получится все! Ну что, что ты смотришь на меня так, будто я тебя на плаху посылаю? Господи, да если б не Лидочка... Да мне бы сроду в голову не пришло... Лучше бы я себе пол-языка откусила, чем такое родной дочке сказать!

Мама будто задохнулась словами, села с ней рядом на кровать, заплакала тихо. У нее и самой от этого плача перехватило горло – столько в нем было отчаяния безысходного!

– Я... Я пойду, мам... Я попрошу... Только не плачь, пожалуйста, мам, не надо! Я пойду, правда... Хотя сомневаюсь, что он согласится на такое...

Мама перестала плакать, схватила ее за руку, прижала ладонь к мокрому лицу. Потом истово принялась целовать эту ладонь, приговаривая:

– Прости меня, Ладушка, прости... Всю жизнь виноватой перед тобой буду... Прости...

– Не надо, мам! Я же сказала, что пойду. Дай мне встать, я умоюсь.

– Да, да... А я завтрак тебе приготовлю... Оладушек со сметанкой хочешь?

– Нет. Меня тошнит. Я только воды с лимоном попою.

– Да как без еды-то? Замрешь ведь за целый-то день!

– Да нормально... Может, в обед чего-нибудь съем. Там видно будет...

Добравшись до работы и увидев в торговом зале Якова Никитича, пришла в ужас от испуга. Как, как она пойдет к нему? Как это вообще все будет? Да он же ее выгонит сразу из кабинета, уволить может! Зачем она маме обещала, зачем?

Хотя маме можно сказать, что Яков Никитич от предложенного действия сразу отказался и денег не дал. Но ведь тогда они и в самом деле нигде не раздобудут этих денег... А время идет, Лида там, в больнице, тихо умирает... А она, сестра родная, будет сидеть и ждать, когда она умрет? Неужели мама права и нет у них больше никаких вариантов? Вернее, у нее нет...

Но он ведь и в самом деле может отказаться, вот в чем дело! Вот стыдоба будет...

А если нет? Если не откажется? Чего греха таить, она давно уже начала замечать, как Яков Никитич в ее сторону смотрит... И девчонки тоже над ней подсмеивались: «Приглядывается он к тебе, Ладка! Запал на тебя, явно запал!» А она только сердилась на них, отмахивалась: «Да ну вас, дурочки, я жениха в армию проводила... И вообще... С чего вы взяли, что он на меня запал? Он же старше меня! Ему должны взрослые тетеньки нравиться, при чем тут я? Наша Елена Ивановна, старший товаровед, давно с ним кокетничает, а ей уже сорок почти... Вот пусть на нее и западает, я тут при чем?»

Так и маялась до обеда в сомнениях и испуге. Потом все же улучила момент, подошла к двери директорского кабинета, сглотнула волнение, прислушалась...

Тихо за дверью. Крепким кофе пахнет. Надо идти...

Но как же страшно открыть эту дверь!

Вдохнула, выдохнула. Толкнула дверь, вошла.

Видимо, очень сильно с перепугу толкнула, потому что неловко все получилось – застыла перед его столом как изваяние. Вот она, пришла к вам, здрасте.

– Ты чего, Леонтьева? Случилось что-то? Пожар? Наводнение? Бандитский налет?

– Нет... Ничего такого, Яков Никитич. Я... Мне поговорить с вами надо. Вернее, попросить...

– Ну, проси, раз пришла. Чего хочешь-то? Прибавку к зарплате?

– Нет... У меня личный вопрос, Яков Никитич. Вернее, личная просьба... У меня сестра в больнице умирает, и говорят, надо на операцию везти в Германию или в Швейцарию...

– Что ж, сочувствую. Это дело такое, в копеечку встанет, я понимаю.

– Да... Вот я и хочу, чтобы вы... Чтобы помогли мне...

– Денег, что ль, попросить хочешь?

– Ну да...

– Просто попросить, и все? Я похож на сумасшедшего благотворителя, чтобы вот так просто дать тебе денег? Я ж понимаю прекрасно, о какой сумме может идти речь!

– Нет, не просто так, Яков Никитич. Нет, что вы... Я... Я готова... Чтобы вы...

Яков Никитич поднялся из-за стола, подошел к ней близко. Так близко, что она закрыла глаза и сжалась в комок, будто ждала, что он примется немедленно срывать с нее одежду.

Но ничего такого не произошло, она осторожно открыла глаза и увидела перед собой его глаза. Очень близко. А еще увидела, как он медленно поднял руку, как коснулся пальцами верхней пуговицы на фирменной голубой блузке. Только коснулся, и все. Будто примеривался, стоит ли действовать дальше. И при этом проговорил тихо:

– Я дам тебе денег, Лада. Я могу, да. Сколько надо, столько и дам. Но ты... Ты должна будешь...

Ее будто подстегнуло отчаянной смелостью – ну вот и все, теперь все встало на свои места! Как мама и говорила! Теперь она уже знает, что дальше делать! Надо просто перетерпеть, и все... Ради Лидочки все это перетерпеть...

Подняла руки, начала лихорадочно расстегивать пуговицы на блузке. Так торопилась, что не получалось ничего толком. Но уже до середины дошла и успела краешком сознания подо-

садовать, что не удосужилась новый лифчик надеть, как услышала насмешливый голос Якова Никитича:

– Ты что делаешь, дурочка? Я разве тебя о чем-то таком просил? Застегивайся обратно... Стыдно смотреть, ей-богу...

– Но вы же сами... Сами сказали, что денег дадите, если я... Вот я и подумала...

– А надо было не думать всякие глупости, а слушать, что я хочу сказать! Ну, что стоишь, смотришь на меня как лань подстреленная? Я ж сказал, застегивайся обратно, ты неправильно меня поняла!

– Что значит – неправильно, Яков Никитич? Вы денег не дадите, да?

– Да я же сказал, что дам! Дам я тебе денег. Но не просто так... Я ж серьезно хочу... Чтобы замуж за меня вышла, поняла? С чего бы ради я тебе денег дать согласился? Вот пусть они и пойдут на благое дело, в семью, мою будущую родственницу спасти... Ну, что молчишь? Пойдешь за меня замуж, скажи?

– Я... Но я же не могу, Яков Никитич... У меня жених в армии, я ему обещала... Но я могу просто так с вами... Если вы мне замуж предлагаете, значит, я нравлюсь вам, правда? Вот я и могу просто так... Сколько надо, столько и буду...

Она снова принялась расстегивать верхние пуговицы на блузке, с надеждой глядя на Якова Никитича. А тот вдруг поморщился, отвернулся, проговорил почти зло:

– Фу, дура... Ты чего творишь-то такое, сама-то хоть понимаешь? Продаться ко мне пришла, да? Как проститутка, что ли? За деньги?

– Да... Пусть так... Мне просто деньги нужны... Сестре на операцию... Очень...

– Ну, так почему именно ко мне пришла? Я с проститутками не якшаюсь. Иди к кому-нибудь, кто этим не брезгует. Если не хочешь, чтобы все по-честному было, то как хочешь, что ж. Иди давай, иди... Мне работать надо.

– Значит, не дадите денег, да?

– Нет, не дам. А ты как хотела? Я тебя замуж позвал, а ты мне отказала, обидела, можно сказать, и я же тебе помогать должен? Так не бывает, моя милая. Не бывает. Иди...

Она хотела еще что-то сказать, но Яков Никитич только рукой махнул – все, мол, ничего не хочу больше слушать! Пришлось выйти за дверь... А что еще оставалось делать?

Маме она вечером ничего не сказала. Соврала, что Яков Никитич в отъезде. Что приедет только через неделю. Мама в ужасе схватилась за голову:

– Неделя! Как много! Целая неделя! А Лидочка там лежит, в больнице... Знаешь, я пока к ней поеду, а через неделю вернусь.

– Так тебя же не пустят к ней, мам... Профессор же сказал, что нельзя к ней, инфекцию можно занести.

– Да все равно я поеду, Ладка, не усужу я на месте. Через неделю вернусь. А ты домовничай тут без меня...

Ночью Лада никак не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок, и такая тревога была внутри, будто вот-вот случиться должно что-то. Такое ужасное, что и не пережить.

Заснула под утро, но ненадолго. Разбудил телефонный звонок. Бросилась к телефону, схватила трубку, прохрипела сдавленно:

– Да... Слушаю, говорите!

– Это я, Ладка... – услышала тихий голос Жени. – Как ты? Знаешь уже все, да? Может, мне приехать к тебе сейчас?

– Что я знаю, Жень? Что случилось, говори?

– Стало быть, не знаешь... Зинаида Ивановна тебе не позвонила, значит. А моей матери сразу позвонила... А ты еще и не знаешь...

– Да что, что я не знаю?!

– Ой, Ладка... Не знаю даже, как тебе это сказать. Зинаиде Ивановне вчера вечером бумагу из военкомата принесли. В общем, Алеша... Он погиб, Ладка. Не зря Зинаида Ивановна так этого Афганистана боялась. Скоро его домой привезут хоронить в цинковом гробу. Чего ты молчишь, Ладка? Ну же, скажи хоть что-нибудь... Заплачь хотя бы, чтоб я слышала! Чего ты молчишь?!

Лада так и не сумела ей ничего ответить, автоматически положила трубку. И долго стояла у телефона, была не в силах отойти. Почему-то казалось, что если отойдет, то поверит... Поверит, что Алешу убили. А если стоять и ждать, то можно чего-то дожидаться. Например, что Женька снова позвонит и скажет – ошибка, мол... Живой твой Алеша, это там, в военкомате, что-то перепутали. Живой...

Но Женька больше не позвонила. Через полчаса сама пришла к ней. Ворвалась в дверь, обняла, зарыдала в голос, подвывая по-бабьи...

– Как Алешку жалко, Ладка-а-а... Да будь проклята эта война, почему наши парни должны там умирать, зачем, за что, Ладка, за что-о-о... Ну что ты стоишь, словно каменная, давай вместе поплачем, слышишь?

Ладе казалось, будто она и впрямь окаменела. Как мама в больнице, когда им профессор про состояние Лидочки все растолковывал. Даже слез почему-то не было. Даже привычная тошнота куда-то пропала.

Женя отстранилась от нее, глянула в лицо, проговорила испуганно:

– Ладка, ты чего? Тебе плохо, да? Ты бледная такая... Давай я тебя до кровати доведу. Тебе полежать надо, наверное.

Лада послушно дала довести себя до кровати, легла, отвернулась к стене. Женя еще говорила ей что-то – не слышала. То есть голос ее слышала, но он доносился до нее странным бульканьем, будто она нырнула на глубину, а Женя осталась на берегу. Странное, очень странное было ощущение... Вроде она утонула и уже не чувствует ничего, вот-вот умереть должна... И в то же время знает, что жива, дышит ровно и спокойно. И не чувствует ничего.

Вот если бы рядом с Женей была, на берегу... Там бы все было. И понимание, и отчаяние. А здесь, на дне... Здесь ничего нет. И жизни тоже нет. И толща воды давит сверху – даже пошевелиться нельзя.

Так и пролежала весь день как неживая. Женя пыталась тормошить ее, горячего чаю хотя бы выпить заставить, да без толку. Так пролежала и второй день, и третий... Пока Женя врача из поликлиники не вызвала.

– Посмотрите, я не знаю, что делать... – всхлипывала испуганно, подставляя пожилой врачу стул. – Уже третий день так лежит... У нее жениха в Афганистане убили, а она даже не заплакала. Легла и лежит. И молчит. Я даже чаем ее напоить не могу!

– Ну что ж, понятно... – тихо вздохнула врачиха, нащупывая на запястье Лады пульс. – Так бывает, что ж... Реакция организма у всех разная может быть. Кто-то бурно реагирует, горе из себя криком выкрикивает, а кто-то вот так... Организм затаился, самозащиту включил. Понятно.

– Она еще и беременная к тому же...

– Ну, я ж говорю... Это защитная реакция организма, он плод сохраняет. А вот поесть бы ей надо, конечно. Обязательно надо. Ничего, сейчас мы ее расшевелим... Сварите ей крепкий куриный бульон и силой заставьте выпить. Вы ей кто? Родственница?

– Нет, я подруга... А матери пока дома нет, только через пару дней приедет. У них в семье трагедия – младшая сестренка очень болеет, в области в больнице лежит.

– Да, так и бывает, что ж, – вздохнула врачиха. – Все к одному, все к одному... Пришла беда – отворяй ворота, как говорится.

– А вы ей больничный дадите? Ее ж с работы могут за прогулы уволить...

– Дам. Даже задним числом дам, если такое дело. Я ж понимаю, я тоже человек. Жалко мне вашу подружку... Ребеночка ждет, ни жена теперь, ни вдова...

На работу Лада пришла только через две недели. Да и то не пошла бы, если бы мама не погнала...

– Ладушка, милая, я ж все понимаю, горе у тебя... Я тоже твоего Алешу любила, он мне как сын был. Но ведь время-то уходит, Ладушка, часики тикают, а Лидочку надо спасать, она ж не виновата ни в чем... Перемоги себя, Ладушка, сходи к директору своему, а? Попроси... Перетерпи как-то, Ладушка...

Мама начинала так горько плакать, что не было сил ей сказать – не поможет он, мам, не надейся. Да она и на работу пошла только потому, чтобы маминых слез не видеть.

Встретили ее вздохами и сочувствием, конечно же. Но чужое сочувствие – что это такое? Всего лишь дань горестным чужим обстоятельствам. И слова этого сочувствия так дежурно порой звучат, всегда они одни и те же, других не придумали – держись и крепись, мол, жизнь продолжается...

Может, и продолжается, конечно, да только не у нее. Ей теперь все равно по большому счету. Если Алеша нет, то и жизни больше никакой нет. А если и есть, то неважно, как она будет идти дальше.

Яков Никитич, увидев ее в торговом зале, ничего такого дежурного не сказал, только проговорил деловито:

– Зайди ко мне в кабинет, Лада! Прямо сейчас зайди, разговор есть.

Она пошла за ним послушно по коридору. Ни интереса, ни страха, ни мысли дурной не было... зачем зовет. Все равно было. Все равно!

В кабинете он указал на стул около стола:

– Садись! Я вокруг да около ходить не буду, я сразу к делу перейду. Слышал, твоего жениха в Афгане убили, да? Что ж, горе, конечно, я понимаю. Еще и сестра у тебя в критическом положении... Тоже понимаю, я ж не идиот бесчувственный. И потому я подумал и решил... Я дам тебе денег, Лада. Сколько надо, столько и дам. Но и от предложения своего не отказываюсь, слышишь? Ты понимаешь, о чем я? Тебе надо выйти за меня замуж. Прости, конечно, что я в такой момент тебе это говорю... Неправильно, наверное, грубо звучит, некрасиво... Но я не дипломат, Лада. Жизнь есть жизнь, она реверансов не любит. Если нет у тебя теперь жениха... Надо за другой вариант ухватиться, чтоб уцелеть. И сестру спасти. Я это на себя возьму – будущим родственникам помогать надо. Да ты слышишь меня, нет? Слышишь, что я тебе говорю?

– Слышу, Яков Никитич. Слышу...

– Вот и хорошо, что слышишь. Я теперь твое спасение, Лада. Во всем. Я и поддержу, и спасу, и в жизнь выведу. Сам не знаю, почему меня заиклило именно на тебе... Но как есть, так и есть. Ты выходишь за меня замуж и живешь как у Христа за пазухой. Я же твою сестру спасаю как родственницу. Кто она мне будет? Свояченица? Хм... Слово-то какое хорошее... Своя, значит... Ну, чего ты молчишь, скажи хоть что-нибудь!

– Я... Я не знаю, что вам сказать, Яков Никитич...

– Ну вот, опять не знает она! А когда знать-то будешь? Или ты думаешь, что я тебя покупаю сейчас?

– Нет, не думаю...

– Правильно, и не думай. Наверное, я как-то не так с тобой говорю... Вернее, не теми словами... Но я такой, Лада, я мужик без сантиментов и реверансов. Я очень суровый прагматик, да. И я очень занятой, мне всей этой дурью с ухаживаниями, с букетами и конфетами некогда заниматься. Да я даже не спрашиваю, как ты ко мне относишься, ты заметила? Да и чего зря спрашивать, и сам все про себя понимаю... Я ж не Аллен Делон, чтобы на бабьи страсти по отношению к себе надеяться. Да и тебе тоже... Тебе сейчас все равно, в общем, за кого

замуж выходить, правда? Почему не за меня? А выйдешь за меня – убьешь сразу двух зайцев. И сестру спасешь, и жизнь свою комфортно устроишь.

– А если... если не выйду? Тогда денег не дадите для Лиды?

– Ну вот, опять мы по тому же кругу пошли... Не дам, конечно! Уж который раз тебе объясняю! Я ж их на свою будущую родственницу даю! В семью даю! Я ж не благотворитель какой ненормальный, правда?

– Да, я понимаю... Только ведь я все равно не могу, Яков Никитич. Дело в том, что я беременна...

– Ничего страшного, аборт сделаешь. От меня потом родишь.

– Но...

– Никаких «но», Лада. Мне чужого ребенка не надо, нет. Или так, или никак. Если так, то я сегодня же начну заниматься оформлением визы для твоей сестры. Как ее зовут, я забыл?

– Лида.

– Хорошее имя, что ж... Лида. Лидочка. У меня в Германии много знакомых, даже родственники кое-какие есть, через них в хорошую клинику Лиду пристрою. А ты пока мне выписки из больницы все возьми, я их по факсу куда надо отправлю. Так что решай... Или так, или никак, других вариантов не будет. Три дня тебе на раздумья даю. Иди... Хотя чего тут думать, не понимаю?

На другой день она пошла в женскую консультацию, взяла направление на аборт. Вышла из больницы, и события сразу так быстро закутились, что и опомниться некогда было.

Свадьбу они с Яшей не играли, просто сходили в загс, расписались. Да и некогда было затеваться со свадьбой, надо было Лиду спасать... Яков свое слово честно сдержал, все организовал как надо, все оплатил. Причем операций этих несколько было, пять долгих лет они за Лиду боролись. И победили! И жизнь потом у Лиды счастливо сложилась... Институт окончила, замуж по любви вышла, двоих детей родила... Живут вместе с мужем в Новосибирске, дом у них большой...

А она от Яши так и не забеременела. Да и знала, что не случится этого никогда... Врач, который аборт делал, сразу ей так и заявил – детей у вас больше не будет. Она тогда Якову ничего не сказала об этом, испугалась чего-то. Мол, упрекать начнет... А в чем, в чем он мог ее упрекнуть? Сам же настоял тогда, чтобы она аборт сделала! Не захотел чужого ребенка растить! Теперь вот и чужого нет, и вообще никакого нет...

Она первое время даже не горевала об этом – нет ребенка, и ладно. По-прежнему жила так, будто под водой была. Ничему особо не радовалась. Ни новой большой квартире, ни дорогой мебели, ни всяким другим благам, свалившимся на ее голову. Хотя если со стороны посмотреть... Шикарная жизнь, все у тебя есть! И работать не надо, над каждой копеечкой дрожать не надо, маме можно помочь, Лиде... И муж ее любит вроде, не на что жаловаться... Не противен же, и то хорошо!

Да, Яша ей не был противен. Зубы не стискивала, когда с ним в постель ложилась. Просто не чувствовала ничего, вот в чем дело. И все время думала – вот если бы Алеша рядом был... Если б Алеша...

Однажды сказала об этом Женьке, а она аж взъерепенилась вся, зашипела на нее сердито:

– А что Алеша, что? Откуда ты знаешь, как бы жила с ним? Ну, пришел бы он живой, поженились бы... А дальше что? Копейки считали бы до зарплаты? Или жила бы вместе с его мамой в одной квартире, друг у друга на голове? Зинаида Ивановна – тот еще подарочек, сама знаешь... И чем бы все это кончилось, как думаешь? Не знаешь, да? А я тебе скажу... Запил бы от такой жизни твой Алешенька, как мой Валерка запил! И бегала бы ты за ним, за пьяным, как я сейчас за Валеркой бегаю, позорище на свою голову собираю...

– Женька, перестань, ты что? Зачем ты мне это говоришь, Женька?

– А затем! Затем, что ты с жиру бесишься, дорогая! Тебе мужик хороший достался, деловой, богатый, вот и радуйся! И нос свой не вороти! Смотри-ка, по Алешеньке она тоскует... Будто заняться больше нечем, честное слово!

– Чем? Чем мне заняться, Жень? Я ж дома сижу...

– Еще скажи – в золотой клетке сижу! Ах, ах... Как мне плохо, как скучно! Как надоело каждое утро бутерброды с черной икрой жрать, а по вечерам шампанское с ананасами через силу в себя впихивать!

– Да чего ты на меня напала-то, Женька! Никаких бутербродов я не ем, а шампанского терпеть не могу! Да я вообще на диете сижу, между прочим!

– Что, Яша не хочет, чтоб ты толстела?

– Да я сама не хочу... Худой как-то легче живется. Уже пять килограммов за месяц сбросила.

– Ну ты даешь... Да на тебе же вещи будут болтаться как на вешалке! Дорогие же вещи-то, жалко!

– А мне не жалко. Хочешь, Жень, я тебе свою шубу отдам? Она мне велика стала. И впрямь болтается как на вешалке.

– Это которую шубу? У тебя же она не одна... Неужели ту самую, норковую, которую ты из Дубая привезла?

– Ну да.

– Ух ты... Она ж такая красивая, я помню...

– Так отдавать мне ее тебе или нет?

– Ладно, отдавай! Что я, совсем идиотка, чтобы отказываться? Будем считать, купила меня с потрохами. Больше не буду на тебя наезжать, ладно... – со смехом ответила Женька, махнув рукой. – Только ты это... Тоже не кисни как-то... Радуйся жизни на полную катушку, поняла?

Лада улыбнулась, кивнула. Знала, что не получится у нее радоваться. Для этого хотя бы из глубины надо вынырнуть...

Вскоре и Яков заговорил с ней в таком же недовольном тоне, как Женька. Ни с того ни с сего вдруг заговорил:

– Может, хватит уже в облаках витать, а? Ты же не живешь, Лада, ты будто спишь... Больше пяти лет мы вместе, а у меня такое чувство, что ты так и не проснулась. Может, тебе скучно дома сидеть? Если так, тогда работай... Включайся в дело, помогай мне!

– А как? Как тебе надо помочь?

– Да очень просто... Я еще один магазин открываю, мне там заведующий нужен будет. Не разорваться же мне на два магазина, правда?

Так она и стала ему помогать. То есть заведовать вторым магазином. Потом Яша еще один магазин открыл. Долгое время сам справлялся, а недавно заведующую туда принял. Молодую и резвую девицу по имени Дина. Поговаривали, что у него с этой Диной особые отношения, но она не хотела в это вникать. Просто не хотела, и все. Хотя было интересно, чем он себе эту Дину купил?

А может, и ничем не купил. Может, сплетни все это. Без разницы, в общем...

* * *

– Ты какое платье на юбилей наденешь, Ладка? Присмотрела уже себе что-то, да?

Женя глядела на нее с интересом, ожидая ответа. Лада ей даже позавидовала слегка – просто неиссякаемый интерес у подружки ко всяким шмоткам! И даже неловко из-за того, что не можешь этот интерес разделить...

– Нет, Жень. Ничего я не присматривала. Да и какая разница, какое платье...

– Ничего себе, какая разница! Это же юбилей! Что, даже не думала, как будешь выглядеть?

– Не-а. Не думала.

– Почему?

– Неохота как-то. Да и некогда. Я ж работаю, сама знаешь.

– Ну, для такого случая могла бы и расстараться, чего уж! Хочешь, вместе на шопинг выберемся?

– Не хочу. Правда не хочу, Жень. Надену что-нибудь из того, что есть.

– Ну, ладно... А прическа? Ты хоть в салон сходи, прихороши себя как-то! А то ходишь... лахудра лахудрой. Господи, Ладка, да я бы на твоём месте...

– Жень! Не начинай, а? Лучше скажи, как у тебя дела.

– Да какие мои дела, господи... Сама ведь все знаешь... Бьюсь об эту жизнь как рыба об лёд, толку нет никакого. Мне иногда кажется, будто эта самая жизнь распадается в моих руках как ветхая тряпица, а я её иголкой сшиваю, сшиваю... Она рядом со швом опять распадается, и я снова сшиваю... Валерка меня достал совсем! И дня не проходит, чтобы он трезвым оставался! Я уж думаю, может, мне махнуть на него рукой и развестись, выгнать его из дома к чертовой матери... Но я ведь даже сделать этого не могу, квартира-то ему принадлежит, вот в чём дело! Он собственник, ничего не попишешь!

– А как так получилось, Жень?

– Да всё просто, будто ты сама не знаешь! Мы ведь с его матерью жили, помнишь? Разве с этим алкоголиком своё жильё можно было купить? А мама взяла и дарственную на квартиру на сына оформила... Вот и получается, что он полноценным собственником после её смерти стал. А мы с Аськой вроде как сбоку припека. И не выгонишь его, сама понимаешь.

– Да, жалко Валеру... Такой парень хороший был! Я видела его недавно, так постарел... Весь какой-то припыленный, заскорузлый.

– Где это ты его видела недавно?

– Да на кладбище же! Забыла?

– А... Ну да.

– Ладно, Ладка, давай не будем о грустном. Давай лучше о твоём юбилее поговорим. Где будете праздновать, решили уже?

– Яков сказал, что в «Маргарите», в банкетном зале.

– Ух ты, в «Маргарите»! Там всё красиво так! Дорого-богато. Надо ведь и мне соответствовать как-то... Может, дашь мне какое-нибудь своё платьице, а?

– Господи, да выбирай любое... Жалко, что ли.

– И правда не жалко?

– Ничуть.

– Ладка, ну что за настроение опять у тебя? Почему глаза такие потухшие? Мне кажется, я больше перед твоим юбилеем волнуюсь, чем ты!

– Да я вообще не хотела никакого торжества, Жень... Это Яков настоял. Уже и гостей позвал каких-то... Ему ведь наплевать, что это мой юбилей, ему просто повод нужен, чтобы с деловыми людьми в расслабленной обстановке встретиться. Чтобы дела свои обсудить.

– А тебя это обижает, да?

– Нет, не обижает. Мне вообще всё равно, Жень.

– Ой, Ладка, Ладка... С жиру ты бесишься, мать, вот что я тебе скажу... Заладила это своё «всё равно», палкой его из тебя не выбьешь. С жиру ты бесишься, с жиру!

– Разве я бешусь? Я говорю, что мне всё равно. Вообще никаких эмоций выдать не могу, вот в чём дело. Наверное, беситься легче бы было. А так...

– Да почему же всё так, Лад?

– Не знаю... Пусто как-то внутри, будто вся жизнь мимо меня проходит, а я в ней не участвую, просто наблюдаю со стороны.

– Ну, я ж говорю, с жиру бесишься... Вот я бы так-то понаблюдала свою жизнь, не отказалась бы, к примеру! На одну свою бухгалтерскую зарплату живу, мне и думать некогда, как моя жизнь проходит. Хотя чего там... Хреново она проходит... В суете вечной, в добывании куска хлеба на каждый день. Достала уже эта суета, в печенках сидит!

– Так и у меня в суете жизнь проходит, Жень. Каждый день в суете.

– Ну, твоя суета и моя суета – это две большие разницы, как говорится.

– Да ну... Практически то же самое...

– Так скажи Якову, что не хочешь больше работать, хочешь дома сидеть! И не будет больше у тебя никакой суеты, будут тишина и покой! По крайней мере, у тебя выбор есть!

– Да я уж говорила, что не хочу работать...

– А он что?

– Да что он... Все равно мне замены пока нет. Очень трудно найти хорошего управляющего, чтоб ему можно было полностью магазин доверить. Яков в таких делах всегда осторожничает, боится чужака в дело пустить.

– Ой, так пусть на твое место мою Аську возьмет, она ж не чужая! А что, она справится, я думаю... Девка деловая, серьезная, о карьере мечтает. А тут раз – и в дамки!

– Да, Ася у тебя такая, очень серьезная, ответственная...

– А то! Возьми Аську, не прогадаешь!

– Что значит – возьми? Это ж не я решаю, Жень.

– Так поговори с Яковым, он тебе не откажет! Замолви словечко!

– Хорошо, я поговорю. Потом, после юбилея.

– Да нет, что ты! Лучше сейчас поговорить! Ты ж вроде как именинница, твою просьбу грех не исполнить! Что для любимой жены не сделаешь!

– Да плевать ему на то, что я именинница, Жень. По-моему, ты преувеличиваешь Яшины ко мне чувства. Да и нет у него каких-то там чувств, отродясь не было. Он человек безэмоциональный и бесчувственный, вот в чем дело.

– Ну да, он такой... Деловой, жесткий. Если б таким не был, не выстоял бы. Да ты только вспомни, Ладка, как на него бандиты наезжали в девяностые! Ты ж сама мне рассказывала, помнишь? И он как-то со всеми договаривался, на стрелки ходил, крутился как жареный карась на сковородке. Откуда у него при такой жизни сантименты возьмутся, скажи? Он же их задавил на корню, да и правильно сделал! Иначе бы не устоял...

– Ты так его защищаешь, Жень, будто он твой муж, а не мой... – с грустной улыбкой произнесла Лада. – Странно даже, почему ты его так защищаешь.

– А чего тут странного? Я просто тебе завидую, вот и все. Белой завистью завидую. Хотя, говорят, белой зависти не бывает в природе... Зависть – она и в Африке зависть.

– Нечему завидовать, Жень... Нечему...

– Да ладно! Опять начала хныкать и ныть! Не самый плохой у тебя муж, перестань! Пусть жесткий, пусть бесчувственный, но не самый плохой! Главное, он тебя ценит и любит!

– Ну уж... любит. Вот в этом я как раз глубоко сомневаюсь, Жень.

– Почему? Я всегда считала, что он тебя очень любит... А чего бы тогда он на тебе женился, скажи? Не просто ведь так? Ты ж ему понравилась, правда? Ты ж такая хорошенькая в молодости была, загляденье просто! Вся розово-кудрявая, с яркими синими глазками, с конопушками, с ямочками на щечках! И куда что подевалось, а жаль...

– В годы все ушло, Женька, куда ж еще. Не забывай, что мне пятьдесят будет.

– Подумаешь, пятьдесят! Да сейчас многие бабы в пятьдесят лучше выглядят, чем в двадцать! Те, которые не ноют, конечно, да с кислой рожей не ходят. Вот и получается – сама

виновата, что годы всю твою красоту забрали, а вовсе не Яков твой виноват! Он тебя честно любил, честно женился на тебе, все тебе дал... Как сестре твоей помог! Да и вообще...

– Да ты же знаешь, почему он помог, Женька! Он же этой помощью купил меня всю, с потрохами! Купил, понимаешь? А ты говоришь – любит...

– А я и еще раз могу повторить – любит. Да, Ладка, да. Просто он любовь по-своему понимает. Разве то обстоятельство, что он сестру твою спас, не говорит о любви?

– Нет, Женька, нет... Просто ему в кайф именно вот так – чтоб купить... Вот и жену себе таким образом купил. Да что там говорить, господи! Он вообще на любовь не способен, жениться по любви не способен. Ему это просто непонятно, понимаешь? Ему обязательно надо метку поставить – это моя собственность, я за это заплатил. Тогда будет понятно.

– По-моему, ты ни на чем трагедию строишь, подруга. Не надо смотреть вглубь, смотри лучше вширь. Ведь в конечном итоге все правильно получилось, не будешь ты этого отрицать? И Лида жива осталась, и ты вся в шоколаде. Чем плохо, скажи?

– Не знаю... Может, если со стороны посмотреть... Но я не могу со стороны, Женька, не могу. Я как вспомню, как мама меня к нему отправляла... Как она произносила это мерзкое и пошлое «дай». Мол, так ему дай, чтобы денег дал...

– Что, прямо так и говорила?

– Да, так.

– Да ну... Не сочиняй, Ладка.

– Я не сочиняю, все так и было. И до сих пор не понимаю, как она могла...

– Ну, знаешь ли! Не тебе мать судить! Иногда так жизненные обстоятельства складываются, что хочешь не хочешь, а приходится делать выбор. Да тут всякая мать последний разум потеряет, если ей скажут, что ребенок скоро умрет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.